

В начале 1990-х гг. я помогала Д.С. Лихачеву готовить многотомное собрание его сочинений (которое так и не было издано, хотя были сданы пять томов и собраны материалы к остальным томам).

С 1980-х гг. у меня остались записи разговоров с Д.С. Лихачевым: на магнитофонной пленке (ее расшифровка открывает этот раздел) и в тетрадях. Некоторые из них публикуются ниже. Интервью с Дмитрием Сергеевичем 1987 г. и записи его высказываний того же периода объединены темой подмосковных мест детства Пушкина. С помощью Д.С. Лихачева в усадьбах Захарово и Вяземы был создан Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина, успешно работающий уже 15 лет. Это — прекрасный пример того, к каким реальным результатам приводила борьба Д.С. Лихачева в защиту памятных мест.

В этом же разделе публикуется рукопись речи Д.С. Лихачева в Праге на церемонии присуждения ему степени почетного доктора Карлова университета 18 декабря 1991 г. Копию автографа Д.С. Лихачева для публикации представила вице-президент Российской фонда культуры Л.В. Назарова.

Беседа Д.С. Лихачева 26 января 1988 г. (текст аудиозаписи)

<Дуэль Пушкина¹>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: ...Я говорил, сколько пошлости вылито на последнюю трагедию Пушкина, и до сих пор эти оскорбительные «дипломы рогоносцев» Пушкину даются и даются, даются без конца, и что нужно восстановить честь Пушкина. А восстановление чести Пушкина — это восстановление в какой-то мере чести Натальи Николаевны. Но не так грубо, как это сделано двумя авторами — Дементьевым и Ободовской — с таки-

¹ Из неопубликованных воспоминаний Д.С. Лихачева о совместной работе над пушкинской темой с М.М. Бариновым. Марк Михайлович Баринов — друг Д.С. Лихачева, подготовил несколько интервью с ним, в последний год жизни — директор Государственного музея А.С. Пушкина в Москве.

ми преувеличениями. Это не нужно: Наталья Николаевна была обыкновенная женщина, но все возможные предположения и так далее — это оскорбляет Пушкина. Пушкин должен был драться на дуэли, потому что иначе была бы зачеркнута его поэзия. Он бы остался рогоносцем на всю жизнь. Понимаете, зачеркнута была бы его поэзия — поэтому он должен был это сделать <вызвать на дуэль Данте>, хотя бы для того, чтобы сохранить свою поэзию как поэзию незапятнанного человека. Дело в том, что поэт и его поэзия — они неразрывны. Вот мы на эту тему говорили <с М.М. Бариновым>... Что когда современные поэты ведут себя безобразно, добиваются каких-то почестей, наград, орденов и т.д., понимаете, они роняют свою поэзию...

Н.В. ДМИТРИЕВА: Часто там ронять нечего.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Да, часто и ронять нечего (*смеется*). Но такие случаи мне известны.

Во всяком случае, у Пушкина не было другого выхода. У Натальи Николаевны был другой выход: ей нужно было, когда она все это почувствовала, увезти его в Михайловское... Мы об этом говорили. Но Наталья Николаевна была ведь женщина обычная, и у ней не только пустая суэтность была, остаться в Петербурге и блистать при Дворе. У ней была обязанность: выдать замуж своих сестер. А сестер замуж выдать нельзя было в Михайловском. Поэтому там дело не так просто — ее нельзя обвинять в этом. Она не думала, что кончится такой трагедией страшной. Но у ней была своя забота и свой долг.

<Музей-квартира Пушкина в Москве на Арбате>

Относительно Арбата я должен сказать, что тут я немножко виноват перед Марком Михайловичем, то есть я обрушил на него гнев Крейна¹.

¹ А.З. Крейн — предшественник М.М. Баринова на посту директора Государственного музея А.С. Пушкина в Москве. Идея А.З. Крейна заключалась в том, чтобы создать «оправу» для дома Пушкина на Арбате и превратить внутренний дворик усадьбы в концертный зал, перекрыв его стеклянной крышей. В 1999 г. эта идея воплощена в здании Литературного музея А.С. Пушкина на Пречистенке.

Марк Михайлович советовался со мной о том, возможен или невозможен проект Крейна: восстановить дом на Арбате и окружить его роскошной постройкой, полукругом таким, как бы кольцом, в котором собрать вещи, даже не имеющие отношения к Пушкину, — подарки музею. Я сказал, что эта идея совершенно ложная, что это нельзя делать. Потому что это исказит облик того места... и облик дома даже искажается от его окружения, а если современное здание такого выставочного типа... построить вокруг дома на Арбате, то Арбат <пушкинский мемориальный музей> погибнет, потому что, ну, будут ходить смотреть вещи, не имеющие отношения к Пушкину, а пушкинский дом запустеет. И тогда Марк Михайлович предложил, что этот дом должен быть домом встречи — опять <же> он думал всегда о молодежи... Зал, где всем встречаться для чтения стихов, для научных докладов... Какие-то занятия по пушкинской поэзии вести и так далее... Потом мы с ним советовались о том, что же выставлять в этом доме на Арбате, если даже неизвестно, где была, допустим, гостиная, спальня и так далее. Всё ведь это очень проблематично. И мы решили тогда — это было предложение Марка Михайловича — сделать этот дом выставкой акварелей, гравюр и масляной живописи — <видов> пушкинской Москвы.

Такая идея у меня и сейчас есть относительно Конюшенной церкви <в Петербурге>, где отпевали Пушкина — там сделать выставку пушкинского Петербурга¹.

Но когда я с этим обращался к М.Н. Петай — бывшему директору Пушкинской квартиры², она говорила: «У меня, у нас не хватит сил, у нас нет для этого возможностей». Ну,

¹ В советское время почти единственным способом сохранения бывших храмов было превращение их в музеи. В новых условиях в 1990 г. Д.С. Лихачев поддержал возвращение верующим церкви Спаса Нерукотворного на Конюшенной площади. Вместе со своей дочерью Людмилой Дмитриевной и автором этих строк Д.С. Лихачев присутствовал на одном из первых богослужений в этом храме.

² М.Н. Петай была директором Всесоюзного музея А.С. Пушкина (ныне Всероссийский музей А.С. Пушкина); в состав музея входит и мемориальная квартира Пушкина на Мойке, 12.

что ж делать, действительно, возможностей нет ... Я не мог на этом настаивать. Но там... очень жалко, что Брюлловские росписи погибли¹, и стоит это такое святое для каждого русского человека место, где стоял гроб Пушкина, в таком запустении ужасном.

И.Ю. ЮРЬЕВА: Многие даже не знают, что это церковь².

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Да, да, здание вполне светское...

— Ни мемориальной доски нет...

Д.С.: Ничего нет, ничего нет. Это ужасно.

<Архитектура Петербурга>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: У нас вообще в Ленинграде считается так, что это вообще какая-то обуза — вот эти <мемориальные> доски на домах, потому что они не позволяют потом этот дом реконструировать.

Архитекторам и начальству очень хочется как можно больше снести, поставить современных зданий, *превратить старый город в новый, социалистический*. Это лозунг, который висел всюду в Новгороде в свое время: «Превратим древний Новгород в Новгород социалистический!» Так вот. Скрытно этот лозунг висит над Ленинградом: «Превратим старый Петербург в новый социалистический Ленинград».

...Москвичи не знают, сколько здесь разрушено старых домов и как уже испорчен Ленинград и его центр. У меня в «Декоративном искусстве» есть статья о старом Петербурге, но я там не написал о том, сколько зданий в Ленинграде старых снесено и как испорчена рядовая застройка. Скажем, Вознесенский проспект — он весь определялся церковью Вознесения... А сейчас это скучная улица... Сразу она стала однообразной, такой скучной, какой-то нищей улицей...

¹ В настоящее время в действующем храме частично восстановлены росписи Александра Брюллова.

² В здании бывшей церкви Конюшенного ведомства в советское время был НИИ (по рассказам очевидцев, в алтаре висел портрет Ленина).

<Портик Руска на Невском проспекте>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: ...Когда его стали разрушать, я написал в «Литературную газету» статью о том, что нельзя разрушать портик Руска, что он определенную имеет градостроительную задачу: маленький портик противостоит большому портику Русского музея, но Русский музей очень в глубине, а этот почти на Невском проспекте... И тогда <главный архитектор Ленинграда> Каменский пригласил меня к себе — это было главное управление, ГлавАПУ ленинградское — и сказал, что «мы портик Руска не собираемся разрушать». И сказал об этом «Литературной газете», что разрушения не произойдет. И моя статья в «Литературную газету» была...

Н.В. ДМИТРИЕВА: Разобрана?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Разобрана <не вышла в свет>... И потом вдруг через неделю, через две портик Руска был разрушен. Когда я обратился в представительство ленинградское «Литературной газеты» и сказал: ну, как же, ведь вам же говорили, говорил Каменский, что не разрушен будет <портик>? Мы пошли к Каменскому, и Каменский сказал: «А мы его не разрушили. Мы его разобрали, он будет восстановлен». Понимаете, какое лицемerie?!

И восстановили, конечно, не так. Потому что колонны — они сейчас мертвые... Они были... у них такая немножечко пузатость была, свойственная колоннам, а сейчас это по линейке... Это не тот портик Руска, который был. Но все-таки хорошо, что хоть какую-то память оставили, потому что этот провалище туда... <видеть> было невыносимо совершенно. Но он уже не противоставлен портику Русского музея там вдали¹.

Реконструкция 1987 г. Музея-квартиры Пушкина на набережной Мойки, 12

Д.С. ЛИХАЧЕВ: <Автор архитектурного проекта> — он даже такие кощунственные вещи сделал, как, например, под кабинетом Пушкина, где он умер, он расположил уборную!..

¹ Другой вариант этого рассказа см. в интервью Д.С. Лихачева «Тревоги совести» («Литературная газета» от 1 января 1987 г.).

Н.В. ДМИТРИЕВА: Стеллажи ужасные...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Да, стеллажи неудачные... А первую квартиру Пушкина <музей там> делал Б.В. Шапошников, который понимал...

Но дело заключалось в том, что, когда открывалась квартира Пушкина <после ремонта>, разразился скандал, то мне в общем пришлось защищать эту квартиру, вот в этом виде. Но я там, правда, предложил некоторые изменения. Скажем, жилет Пушкина вынести из комнаты, где были выставлены эти дипломы рогоносцев, <анонимные> письма и так далее, вот из комнат сестер <Натальи Николаевны>, где вся грязь, лившаяся на Пушкина, была выставлена, и там жилет Пушкина был, — я предложил его перенести в переднюю, туда, где посмертная маска Пушкина... Они это сделали. Потом я все-таки добился, чтобы в проекте уборная была <в другом месте. — Здесь обрыв записи. Сост.>.

И.Ю. ЮРЬЕВА: В музейной экспозиции, мне кажется, должна быть какая-то преемственность, чтобы то, что вошло в культуру, сохранялось...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Да. Ведь дело в том, что последнюю квартиру Пушкина посещало колоссальное количество людей, колоссальное количество <приходило> и по лестнице, в подворотне¹... Приходил Блок, тогда начинался Пушкинский Дом, тогда приходила масса людей, поэтов и так далее. С этим же тоже надо считаться: квартира Пушкина уже как-то отразилась в сознании... Ну, глупости нужно убирать, конечно...

Вот глупости... Я не могу совершенно видеть, чтобы в Тригорском, нет, в Михайловском, была дворцовая обстановка — дворцовая мебель, вывезенная из Пушкинского Дома². Это же не усадебная мебель! Усадебная мебель делалась крепостными столярами, а не из Парижа вывозилась! Дом-то Пушкина был бедный. Это во-пер-

¹ Д.С. Лихачев говорит о лестнице в квартиру Пушкина, которая идет из-под арки, закрытой для посетителей при реконструкции 1987 г.

² После утрат в результате фашистской оккупации музей Михайловского пополнялся за счет мебели красного дерева из петербургских дворцов, хранившейся в литературном музее Пушкинского Дома Академии наук (в его ведении находился Пушкинский заповедник).

вых. А во-вторых, нельзя пускать эту плющевую зелень, которую стали пускать только после войны <1941–1945 гг.>. До войны на это же не было моды — по стенам чтобы, знаете, такие вьющиеся растения... Взяли и там <в Михайловском> это для красоты устроили!

Ну, когда ставят яблоки, когда ставят цветы — это во всех музеях ставят — это хорошо. Только надо уметь делать букеты, конечно. Даже полевых цветов.

И.Ю. ЮРЬЕВА: А теперь можно сделать квартиру Пушкина такой, к какой все привыкли?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет, там уже нельзя сделать, там же прибавлены комнаты сестер, там уничтожена эта лестница. И там экспозиция — она сделана правильно. То есть так как нельзя восстановить ни детскую, ни комнаты сестер, то там сделали комнаты с документами, ну, главным образом, касавшимися гибели Пушкина. Это правильно. Там <в комнатах сестер Натальи Николаевны> и не должно быть пушкинского духа...

Но вот я говорил <...> с Поповой¹ — мы говорили с ней относительно того, что отдельные вещи в пушкинской квартире носят уж очень дворцовый характер: люстры, печи... Потом очень уж какая-то безвкусная роспись стен... Но она <Н.И.Попова> говорила так, что квартиру Пушкин снимал с вещами уже — с некоторыми <предметами обстановки>. И так как квартира принадлежала вот этой княгине Волконской, то дворцовые такие вещи могли быть.

(И.Ю. Юрьева — о впечатлениях современных поэтов от музея-квартиры на Мойке: видя нераспроданные тома на стеллажах в коридоре возле детской, они думают, что как сегодня не покупают их произведения, так и Пушкина тоже не покупали.)

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Ну, во-первых, там не пушкинские стихи в этих пакетах — там «Современник» и «История Пугачева». Это вполне естественно, что это рассчитано было не на моментальную продажу.

¹ Н.И.Попова — в то время заведующая Музеем-квартирой А.С. Пушкина.

И.Ю. ЮРЬЕВА: Вы думаете, они хранились рядом с детской?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Не знаю... Могло быть... Ведь мы все-таки должны считаться и с тем, что будут рассказывать экскурсоводы. Если мы не знаем ничего об этом месте, то лучше тогда сделать так, чтобы экскурсоводам было удобно рассказать побольше фактического материала. А экскурсовод может сказать, что мы не знаем, где хранились эти тома. Не обманывать.

Блокада Ленинграда <Город на крови>

...О чем я думал на вышке Пушкинского Дома, когда была блокада и я должен был дежурить на вышке Пушкинского Дома¹.

Немцы бомбили Ленинград. Перед моими глазами горело Мытнинское общежитие [университета]. Оно горело недели две, начало гореть сверху, потом постепенно выгорало. И те ослабевшие от голода люди, которые оттуда не могли выйти, они сгорали вместе с домом. *Это был ужас!* А я в это время думал даже не только о тех людях, которые там горят, которые не имеют сил выйти, оттого что они обессилели от голода [не мог им помочь, так как сам был слаб и еле волочил ноги, ходил как старик, шаркая]. Но еще я думал о том, нужно ли будет восстанавливать эти [сгоревшие] здания или нет. Что, если их восстановить, в них нельзя будет жить — психологически нельзя будет жить. Сейчас об этом никто не помнит, *даже не знают, что эти дома сгорели и что в них сгорели люди*, — не знают, просто не знают! Никто не знает, и этого вопроса нет. Но мне-то казалось, что каждый момент блокады будет известен тысячелетия!.. И я думал, что нужно эти дома уничтожить и на их месте устроить парк. А потом у меня родилась идея прогулочного парка [в Ленинграде]...

¹ Данный отрывок дополнен самим Д.С. Лихачевым при подготовке им статьи о М.М. Баринове. Эти дополнения сохранены в настоящей публикации (даны в квадратных скобках).

Самое важное в нашей современной урбанистической жизни — это прогулки. Не бег трусцой, потому что во время бега человек не может думать, он смотрит под ноги, чтобы не упасть, а во время прогулки [быстрым шагом] он думает и получает впечатления...

И вот я мечтал о том, как это будет хорошо: от крейсера «Аврора», с той стороны... Александровский парк вокруг Кронверка будет переходить в парк Ватного острова. Все эти заводские строения, которые тут расположены, — они не для центра города, здесь должен быть парк... Затем парк Петровского острова, он соединен с Крестовским островом, соединен с Елагиным островом... И таким образом человек по субботам, по воскресеньям, не затрачивая сил на поездки в автобусе или в поезде, может прямо войти в этот парк в центре города и идти от Финляндского вокзала к морю. В этом парке и дорожки должны быть велосипедные сделаны, и под проездами должны быть какие-то туннели, чтобы не выходить и чтобы не было перекрестка никаких движений. И я думал о том, что должно быть какое-то умственное развлечение, вернее, отвлечение от повседневных забот. Исторические здания, Тучков буян будет таким отвлечением — он может быть и музеем, и так далее... Затем в парке могут быть какие-то маленькие зоологические сады... что-то такое должно быть, чтобы была прогулка не только ногами, но и умом, [думами]... Чтобы можно было ходить семьей, где-то посмотреть какой-то короткий фильм, где-то отдохнуть, посидеть у фонтана. А главное, чтобы была определенная цель, допустим — дойти до моря и посмотреть закат солнца на стрелке Елагина острова.

«Судьба музеев в годы войны»¹

И.Ю. ЮРЬЕВА: Что было в квартире Пушкина на Мойке, 12 во время войны?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Там ничего не было. Всё вывезли в Пушкинский Дом.

¹ Этот и следующий фрагменты опубликованы в сборнике «Памяти Д.С. Лихачева» (журнал «Русское возрождение») в 2000 г. Здесь тексты заново выверены и дополнены по аудиозаписи.

И.Ю. ЮРЬЕВА: А говорят, во время блокады машин не было...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет, машины ловили — это в самом начале войны было... Там знаете еще... там произошли такие вещи интересные... Когда из Пушкинской квартиры вывозили диван — там по бокам были ящики, скрытые ящики, и в них сложили очень важные вещи: какие-то письменные документы. И потом их не могли найти, считали, что они пропали. И только случайно открыли и увидели. А как их туда складывали, я помнил, но я не догадался об этом сказать, и они искали уже без меня, мне не говоря.

И.Ю. ЮРЬЕВА: Вы сами вывозили вещи из Пушкинской квартиры?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Да, да...

Когда немцы начали наступать, то была еще выставка Пушкинская в Екатерининском дворце <Царского Села>. И вот — я же молодой человек был — меня повезли на грузовике в <город> Пушкин, и мы вывозили Пушкинскую выставку из Екатерининского дворца, с первого этажа...

И.Ю. ЮРЬЕВА: Это современный ВМП¹?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Вот это я не знаю... Я помню, что мы снимали какие-то вещи со стен, какие-то акварели, которые там были, какие-то гравюры... свозили в Пушкинский Дом. А через два дня немцы заняли Пушкин... И мы же не знали этого! Потому что в сводках значилось, что бои идут под Псковом, а на самом деле они шли уже за Лугой. И немцы прошли между Павловском и Пушкином и отрезали Пушкин сразу от Ленинграда. И, скажем, у Анциферова дочь осталась в Пушкине, а сам он оказался в Ленинграде...

Н.В. ДМИТРИЕВА: Значит, заранее ничего не вывозилось?

И.Ю. ЮРЬЕВА: Павловск вывозили...

¹ Главная пушкинская музейная коллекция страны: подлинники, собранные из ряда музеев на выставке 1937 г. в Москве и затем перевезенные в Петербург, ныне хранятся во Всероссийском музее А.С. Пушкина (ВМП).

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет. Павловск немножко вывозили, причем частично в квартиры начальников... Это нам наша нянька говорила.

— И это не вернулось в музей?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Не знаю! Вот, в квартиры начальников...

В современном Коттедже <в Петергофе> — там... <для музея после войны> в комиссионном магазине купили сервиз с девизом Коттеджа. Значит, кому-то он достался при вывозке, кто его продал. И там половина этого сервиза сейчас стоит — украшает Коттедж: там накрыт стол в столовой и <сервиз> с этими вензелями, так что это несомненно из Коттеджа...¹ Вообще места музеев нельзя менять. Так же как нельзя менять инвентарные номера. В этот момент происходят кражи и пропажи.

Н.В. ДМИТРИЕВА: Ленинград был в таком жутком положении...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: И одновременно шли кражи...

— И все-таки многое сохранилось...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Но, видите, немцы — народ экономный. Они бомбили, когда были далеко от Ленинграда. Мы спускались в первый этаж тогда, нам женщина одна уступила комнату, мы там ночевали, в этой комнате, хотя нас там также могло засыпать, как и на пятом этаже. Но когда немцы подошли совсем <близко> к Ленинграду, им не было смысла бомбить.

И.Ю. ЮРЬЕВА: Они думали, что возьмут город....

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет. Они ждали, что люди все вымрут — так, по-видимому, мне так кажется... Они обстреливали из

¹ Герб дворца «Коттеджа» Александры Федоровны (супруги Николая I) придумал В.А. Жуковский. Этот герб изображен на каждом предмете сервиза, специально заказанного для Коттеджа. Кроме комплекса предметов столового сервиза, который после войны продавался в комиссионном магазине и был возвращен в музей путем покупки (о чем говорит Д.С. Лихачев), в ленинградских комиссионных встречались отдельные вещи из Коттеджа. Автору этих строк довелось видеть приобретенные ленинградцами в комиссионных магазинах чашечки с характерным украшением на ручке в виде белой розы и даже большое зеркало из дворца.

мелкой артиллерией, поэтому страшное количество было уничтожено крыш, и, главным образом, надо было восстанавливать крыши... Они стреляли по людям, по остановкам стреляли в часы окончания занятий, работы... <стреляли> с Пулковской горы.

**<Об источнике «Блокадной книги»
Д. Гранина и А. Адамовича>**

Д.С. ЛИХАЧЕВ: ...Было две редакции воспоминаний <директора архива Академии наук Г.А. Князева>. Одна редакция дневника, который он вел от руки, на квартире, живя на 5-й линии, там, в своем доме. А другая редакция, которую он создал после блокады. После войны он все переписал, и переписал на машинке. Причем вставил туда патриотические фразы, которых в дневнике не могло быть. Он мог быть патриотом каким угодно, но чтобы в дневник свой вносить патриотизм, что «мы победим непременно» — это неестественно, понимаете? И вот этой последней редакцией пользовался Гранин с Адамовичем. А первую редакцию, подлинную, где было гораздо больше ужасов — он <потом> это все вычеркнул — Гранин не знал. Эта редакция в архиве Академии наук, там обе редакции есть, и первая и вторая.

<Правда о блокаде>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: По двум причинам нет правды о блокаде. Первая причина — это то, что наши отцы города терпеть не могли рассказов о блокаде, потому что чувствовали свою вину. Понимаете, неправильное распределение... ну <например>, приезжает первый самолет в <блокадный> Ленинград — и из него вываливаются — *вместо хлеба!* — вываливаются ящики с орденами и медалями: награждать героев, а хлеб нужен людям! Такие вот вещи... там масса была во время блокады таких ошибок сделана. А потом — число погибших. Число погибших — 600 тысяч якобы — страшно отстаивал заведующий снабжением Ленинграда. Он чувствовал как бы свою вину. На его совести —

сколько погибло. А на самом деле... <Маршал> Жуков в своих воспоминаниях пишет — миллион. Вот тут-то этот заведующий, живя в Москве, поднял страшный скандал, он стал уверять, что 600 тысяч. А 600 тысяч — только на Пискаревском кладбище. Но <еще> 600 тысяч — на Серафимовском кладбище, 600 тысяч — на Богословском кладбище, и на Волковом кладбище еще и так далее. У меня есть запись, сколько погибло по словам Петрова. Петров — это специалист-онколог, профессор, он входил в санитарную комиссию по Ленинграду. И в августе месяце 1942 г. официальное число погибших — то есть задокументированное — было миллион двести тысяч человек. И это сказал Петров Владиславу Михайловичу Глинке¹, который врать не будет. Но это не то число, которое погибло. Потому что в Ленинград сбежалось огромное количество людей из пригородов, из Новгорода, из Пскова, из Гдова, из Луги и так далее. Ведь куда бежали-то — бежали в Ленинград.

З.А. ЛИХАЧЕВА: И умирали в первую очередь.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Они умирали в первую очередь, и у них не было документов, и они были не зарегистрированы. И день и ночь их сжигали — там был кирпичный завод, где находится сейчас парк Победы (на Московском проспекте). Он < завод > сейчас разрушен. И труба этого кирпичного завода дымила день и ночь — это сжигались трупы людей.

И.Ю. ЮРЬЕВА: Есть еще где-нибудь документы подлинные о блокаде? Кто-то, наверное, вел дневники?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Да, много. Есть документы и в Публичной библиотеке... это надо разыскивать. Они не собраны...

— Вы тоже вели записи?

З.А. ЛИХАЧЕВА: Это уже потом.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: После блокады мы стали записывать вдвоем. Зинаида Александровна записывала цены, за сколько мы продавали наши вещи, и как она <стояла в очередях>...

З.А. ЛИХАЧЕВА: Когда мы отсюда вырвались², мы считали, что мы не вернемся. И мы продавали всё, что у нас

¹ Известный искусствовед, музейный работник.

² Д.С. Лихачев, его мать, жена и две 4-летние дочери пережили самую страшную первую блокадную зиму 1941—1942 гг. и выехали из Ленинграда в эвакуацию 24 июня 1942 г. Отец Д.С. Лихачева умер 1 марта 1942 г.

было. И когда мы вернулись, у нас не было ни мебели, ничего, мы всё продали.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Сколько дадут — 200 граммов хлеба — пожалуйста, за 200 граммов...

З.А. ЛИХАЧЕВА: Почему мы сохранились — потому, что я всё время стояла в очередях. И все карточки у меня отоварены были, а многие ленинградцы — вот, пишет Гранин в своей книге о блокаде — там этот мальчик Юра. Когда он приходил, уже ничего не было, всё уже разобрали. А я вставала ночью и стояла ночи <в очередях>, чтобы получить продукты. Вот так.

<Конец аудиозаписи>¹

Д.С. Лихачев о пушкинском Захарове

Замечания к научной концепции заповедника (1986)

Первоначальную научную концепцию Подмосковного Пушкинского музея-заповедника составила осенью 1986 г. К.М. Газалова (ГИМ) с участием других музеиных специалистов — членов комиссии, созданной Министерством культуры РСФСР после выхода в «Правде» статьи о бедственном положении пушкинских мест.

Перед комиссией была поставлена задача объединить в будущем музее-заповеднике пушкинское Захарово, усадьбу Голицыных Вяземы и усадьбу Покровское-Засекино, связанную с именем Герцена (как и Захарово, эта усадьба не имела тогда никакого статуса и находилась под угрозой разрушения).

Д.С. Лихачев, выслушав концепцию, сказал: «Включение Покровского в заповедник — это правильно» (ср. ниже его высказывания о воспитательном значении Герцена).

Однако уже через месяц Д.С. Лихачев пришел к выводу о нецелесообразности объединения пушкинских мест с какими бы то ни было памятниками. Он считал очень важ-

¹ Запись Н.В. Дмитриевой. Расшифровка и публикация И.Ю. Юрьевой.